

Еще десять лет назад быстрый успех начинающего писателя был скорее исключением, чем правилом. Прежде чем попасть на заветные страницы толстого журнала или, что уж совсем нереально, в списки авторов издательства, нужно было сильно постараться: стоически перетерпеть период самотека, ждать и только в редких случаях дожидаться ответов на письма в редакции, звонить, ходить, пробовать снова и снова. Разумеется, к финишу добирались лишь единицы... Однако за это время молодежный литературный процесс успел набрать небывалые обороты, литературных мероприятий и инициатив с каждым годом становится все больше, равно как и новых имен, которые они открывают и создают.

Теперь можно пройти отбор, скажем, на форум «Таврида» и напрямую пообщаться с представителями крупнейших издательств, обсудить с ними свою рукопись, там же исправить ее и пристроить. Появляются и другие семинары для молодых писателей: к долгоиграющим «Липкам» Фонда Филатова добавились масштабные семинары Союза писателей России. Разветвленной системой ежегодных совещаний занимается созданный в рамках СП три года назад Совет молодых литераторов. Да и почти каждое из существующих писательских объединений теперь проводит собственные литературно-обучающие встречи. Начинают свою работу новые литературные конкурсы и премии для молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет: «Лицей», «Русские рифмы» и «Русское слово», «Всероссийский конкурс молодых литературных критиков», «Цикада» и др. Государство активно способствует развитию молодежного литературного процесса: одним из приоритетных грантовых направлений для СМИ в Роспечати год за годом становится «содействие духовно-нравственному развитию подрастающего поколения, решению молодежных проблем». Преимущественно именно его выбирают толстые журналы: в 2018 году в списках заявок мож-

В попытках понять «племя младое» исследователи вывели главный тезис: каждая генерация взрослеет в уникальных исторических обстоятельствах, которые влияют на формирование общих черт и жизненных установок в пределах возрастной группы.

но найти сразу пять почти одинаковых дотационных проектов*. Как следствие – «толстяки» выпускают молодежные номера и начинают формировать свои поколенческие ряды. Спецвыпуски создают «Октябрь», «Знамя», «День и ночь», на регулярной основе собирает молодых под одной обложкой «Наш современник».

В итоге чисто номинально новое поколение авторов есть, в их воспитание вложены огромные силы, а их произведения широко представлены на самых разных площадках. Но несмотря на постоянное присутствие в информационном потоке, все еще непонятно, кто эти люди и что они пытаются сказать. Какие проблемы их волнуют, а может, не волнуют вообще? Есть ли между ними что-нибудь общее, на чем они сходятся и в чем категорически не согласны? Как им живется в современном мире биткоина и пикселя и каких героев они приведут с собой в литературу?..

В то же время интерес к теме нового поколения в обществе уверенно растет. «Бумеры», «миллениалы», «зумеры» – любой хотя бы случайно, но слышал эти иностранные термины. Они усвоены нами из американской теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау, которая активно используется в России в маркетинге и кадровом деле**, а ее терминологическая база прочно вошла в лексикон СМИ и повседневное общение. В попытках понять «племя младое» исследователи вывели главный тезис: каждая генерация взрослеет в уникальных исторических обстоятельствах, которые влияют на формирование общих черт и жизненных установок в пределах возрастной группы. Такие вот совпадения и описываются в раскладке теории. Очевидно, что социокультурные и политические события в Америке имеют опосредованное отношение к взрослению русского человека, а, например, 90-е «у них» и «у нас» – две разные вселенные. В связи с этим предпринимались попытки адаптировать наработки американцев под русские реалии и историческую обстановку, социологи выделяли

* Список проектов федеральных СМИ, одобренных на заседании экспертного совета Роспечати [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fapmc.gov.ru/rospechat/statements/support/recipientsofstate/item68.html> (дата обращения: 19.04.2021).

** Например, Сбербанк занимается масштабными исследованиями на эту тему, а «Уральский банк реконструкции и развития» и компания «Вымпелком» даже поменяли кадровую стратегию, чтобы удержать работников-«миллениалов». Идеальная работа для поколения Y: свободный график, соцсети и квесты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://66.ru/news/business/154485> (дата обращения: 19.04.2021).

«последнее советское поколение», «поколение лишних людей» и «цифровое поколение», но в массовом сознании деление не прижилось.

Громче всего в связи с популярной поколенческой концепцией рассуждали о миллениалах. Сейчас им примерно от 25 до 40 лет, классификация гласит, что они ленивы, позже выходят на первую работу и очень долго живут с родителями. Из-за позднего взросления их еще называют «поколением Питера Пэна». В среднем они не задерживаются на одном и том же рабочем месте больше пяти лет, предпочитают проектную занятость и свободный график. Обладают неумной тягой все менять и персонализировать под себя, с детства с телефоном в руках, информацию потребляют в интернете. В российском медиапространстве к первому поколению интернета относятся иронически, именно здесь возник мем «миллениал изобрел...», высмеивающий вторичные идеи юных креативщиков.

В основном теория поколений типичует людей по стилю жизни, ее повсеместно критикуют за антинаучность, называют «историческим гороскопом» и новой соционикой, но молодые люди с большим удовольствием используют инструментарий новой науки в ежедневном обиходе. В прошлом году интернет даже пережил поколенческую войну*, подростки, называющие себя зумерами, упрекали миллениалов в инфантильности и плохом литературном вкусе. Кажется, что популярность нехитрой градации – своеобразный сигнал, запрос молодых людей на самоопределение, стремление ухватить и отразить суть времени, где все так быстро меняется и одна генерация моментально перестает понимать другую.

И вот недавно на литературных просторах появилось сразу три произведения молодых авторов, в которых была заявлена содержательная попытка описать своего современника. По среднему арифметическому трех текстов ему примерно 30 лет, он представляет наиболее активную в политическом и социальном отношении возрастную группу. А еще он – «соль земли», в теории уже сформировавшийся, но еще не заостеневший, ближайшее будущее новой России. Все три работы были напечатаны в толстых литературных журналах и отмечены особенным вниманием редакций.

Первым в молодежном № 3 «Знамени» за 2019 год вышел роман дебютанта Степана Гаврилова «Опыты бесприютного неба». На презентации номера редакция заявила, что он был сформирован вокруг центрального текста Гаврилова. На обложке выпуска значилось: «Перед нами – своего рода коллективное селфи, самопрезентация поколения, вступающего в литературу». Произведение тут же номинировали на крупную премию «Национальный бестселлер», а затем издали отдельной книгой в «Эксмо». Параллельно в № 3–4 того же года в журнале «Наш современник», идейном оппоненте «Знамени», был опубликован роман постоянного автора Андрея Тимофеева «Пробуждение». Один из рецензентов «НС» Валентина Семенова так отзывалась о нем в журнале: «Герои “Пробуждения” – нормальные молодые люди. Роман привлек мое внимание тем, что он о современной молодежи. Причем о молодежи, которую нечасто встретишь на книжно-журнальных страницах последних лет и даже десятилетий. Ей подходит слово “нормальная” – то есть без стремления к “крутизне”, без тяги к порочным удовольствиям, без пристрастия к нецензурной лексике и т. д. Это молодежь, обживающая Москву». Вокруг романа разгорелись жаркие баталии в том числе на страницах самого издания, о произведении в отдельных статьях высказались главный редактор журнала и его первый заместитель.

* Поколенческие войны: зумеры издеваются над миллениалами в соцсетях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://esquire.ru/articles/186233-pokolenneskie-voinny-zumery-izdevayutsyanad-millennialami-v-socsetyah/> (дата обращения: 19.04.2021).

то и дело прерываться и срочно писать друзьям о том, что открыт новый автор, появился новый прекрасный роман. Долгожданный! О современности! Про обычного человека из провинции! Обычного человека со всеми его кредитами, пробками на дорогах, несносными родственниками и вечерними телешоу»*. И действительно, на первых страницах испытываешь если не восторг, то радость узнавания, наслаждаешься авторской честностью и отсутствием пустого желания впечатлить.

Перед нами вполне типичный для времени молодой герой: Иван живет в провинциальном городе, работает менеджером в автосалоне, несчастливо женат, вечно у супруги какие-то сверхъестественные требования... В уши зудят родственники суженой: детишек рожайте, да поскорее, а то стыдно уже людям в глаза смотреть. И герой решается на отчаянный поступок, вырывается из цепких лап обыденности в настоящий мир, прыгает на товарняк и направляется на юг, а по пути исследует провинцию и деревню.

Болотное смиренное спокойствие героя в первой части повести периодически нарушают разговоры с родителями жены на тему будущего потомства. В этих пространных диалогах становится очевидно, что новое поколение, активно переосмысляющее функции института семьи, понять предшественников не способно, как и наоборот. Вот Иван лениво-злобно пикируется с тестем, а тот даже не находит нужных слов, чтобы объяснить глубину своего возмущения:

– Я не знаю, как еще это объяснить. Мы дочь родили сразу после свадьбы, а вы пять лет живете вхолостую.

– Что, ребенок – это какой-то показатель?

– Да. Да! Вы нормальные люди, живете в нормальном обществе. Тут так принято. Мужчина – отец, женщина – мать. Это закон природы.

– Доисторический закон. Мы в двадцать первом веке, и тут каждый сам решает, что он хочет и когда.

Для тестя образ жизни «нормальных людей» равен родовой морали, где младший продолжает дело старшего, а брак – это навсегда. А для Ивана, наблюдающего за серийной моногамией современного мира, рожать детей просто для того, чтобы рожать, – дикость и форма безответственности. Но и его собственные родители, и родственники со стороны жены активно осуждают индивидуалистический подход, а герой остается в несчастливом браке и соблюдает отвратительные ему семейные ритуалы.

Правда, зачем он там остается – феномен, не находящий объяснения даже в финале книги. Жена постоянно выпрашивает дорогие подарки, а молодой муж ей потакает и залезает в долги. Так почему, ради чего? Вроде бы такая форма любви, хочет сделать приятно, порадовать? Но нет, в отношении Ивана к супруге видится неприкрытая ненависть, смурная выученная обязательность. Герой ни разу не делает попытки поговорить с человеком, с которым делит быт, выяснить причины семейного ненастья. Или же – избавиться и себя, и ее от неподъемного груза, взять да и развестись по-честному.

Позже ситуация осложняется незапланированной беременностью. В том числе из-за этого герой принимает импульсивное решение о путешествии. Он думает о наследнике. *«Иван не относился к своему гипотетическому ребенку как к чему-то одушевленному: во-первых, он еще не родился, а во-вторых, росло какое-то странное ощущение, что зачали его не в результате известного сво-*

* Леонтьева Т. В раю, конечно, климат. Премия «Национальный бестселлер» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2021/review/v-raju-konechno-klimat...> (дата обращения: 19.04.2021).

ей простотой и бесхитростностью процесса, а благодаря постоянной болтовне, ужимкам и уговорам». Если гипотетический ребенок получился не в той психологической обстановке, какой герою бы хотелось, он лишается статуса одушевленной и ответственности за него с отца снимается. Или же – передается, как эстафетная палочка: *«Иван скорее переживал за родителей, которым ничего не рассказал о своем бегстве, и нежного за жену: какой бы она ни была, основная вина лежала на теще, своим нахальным упорством разрушившей хрупкий, но жизнеспособный баланс их семейного быта. Ей и внука растить»*. Такое впечатление, что Иван не чувствует себя самодостаточным взрослым человеком. Его брак может кто-то разрушить, и он над этим не властен, с работы могут уволить, потому что «подсидел» более бойкий коллега, словом, во всем кто-то виноват. Если партнерство не устраивает героя «Железного повода», то и все совместное, даже ребенок, аннулируется. Мужчина самоустраняется, а дальше воспитывайте как хотите... «Маленькие люди» в русской литературе были разными, но микроскопически подлыми они, кажется, не были никогда.

К мутности личной жизни прибавляются проблемы на работе. Владимир Чолокян расписывает нереализованность героя до симптома всего поколения: *«Все эти годы он как будто закрывал глаза на свою бесполезность, принимая навязанные обществом условия игры, в которой каждый вынужден занимать ответственную роль, невзирая на персональные способности или их полное отсутствие. <...> Целеустремленные и деловитые находили себя и безо всяких бумажек, пробираясь через тернии напористо и последовательно, а остальным было сложно самоидентифицироваться даже с внешней помощью, если только их не тыкали носом и силой куда-то не сажали»*. Через канцелярит установки сложно прорваться, но общий вывод таков: социум довлеет, если ты не целеустремленная акула, понять себя тебе будет сложно. Кстати, об окружении главного героя: Иван почти ни с кем не общается, поддерживает контакт только с бывшим одноклассником Стасом. Но и его он ядовито осуждает, зло иронизирует (в мыслях, разумеется) на тему лишнего веса приятеля, его жалкой семейности и заземленности. Видимо, Иван относит Стаса как раз к тем, кого «ткнули носом и куда-то посадили», хотя это не совсем так. Распространенный сюжет в отношениях друзей детства: один резко изменился за лето, а другой остался таким же и не понимает, в чем дело и почему общаться теперь не так интересно...

В рискованном путешествии Иван внимательно наблюдает за людьми. Художественная задумка турне по провинции и дальше очень хороша. Герой стремительно удаляется от устроенности города, впервые видит настоящую Россию и пытается показать ее читателю. Он закручивается по спирали, «цепляя» случайных прохожих и попутчиков, рассматривает осколки прошлого, заброшенные заводы и пустующие музеи, работающие на энтузиазме одного-двух подвижников. Здесь незамутненность взгляда идет сюжету на пользу, но повествовательная бодрость истощает себя, когда Иван попадает в деревню. Это и забавно, и жутко одновременно. Сказ о том, как миллениал в село попал, и увидел он там человека: *«На левой руке виднелось подобие мутной татуировки, какая-то едва различимая клякса, но возможно, это синяк или пятно. На лице его была хипстерская борода, явно не специально отращенная, сравнительно длинные волосы доходили до середины шеи. Даже в полумраке они поблескивали, так как соприкасались с мылом, очевидно, нечасто»*. Две разные реальности, одна с которой уже никак не может соединиться. У деревенского жителя «хипстерская борода», а на сеновалах, видимо, «чилят»? В этой же части Владимир Чолокян пытается рассуждать о сущностных процессах, о метафизике деревни: *«Еще недавно набожные, чтущие традиции праотцев, они всерьез обсуждали теперь чертей и верили в проклятье, что явилось источником всех бед... Но что,*

ческих статей. Более того, Тимофеев – один из тех людей, которые последовательно и энергично формируют литературный процесс. Ощущая потребность создать собственную систему координат, в 2016 году молодой автор написал статью «Новые традиционалисты как будущее русской литературы»*, где по косвенной аналогии с предшественниками – «новым реализмом» – манифестировалось новое литературное поколение. Термин не устоялся и не получил широкого распространения, однако в той статье Тимофеев начал разработку теоретической базы, определившей его развитие как прозаика.

По Тимофееву, творчество характеризуемой им литературной генерации базируется на трех принципах. Это, во-первых, стремление *«проникнуть вглубь человека, осознавая и открывая всю сложность его душевного мира, всю бездну возможного падения и всю пронзительность раскаяния и милосердия»*. Во-вторых, попытка *«воплотить в своих произведениях народное самосознание, понять, как русский народ воспринимает современный исторический этап своего развития»*. И в-третьих, молодые авторы призваны *«выразить христианское мировоззрение, понять и показать человека, в душе которого с силой властвует христианский Идеал, но сделать это не в форме нравоучительной сентенции, а в форме живой жизни, воплощенной в слове»*. Я бы не упоминала здесь статью пятилетней давности, которая была написана из естественного желания создать «свое» и утвердиться в литературе, но повесть «Пробуждение» буквально «вырезана» по нарисованному в ранней работе трафарету и является практическим воплощением теоретических идей.

Наличие исторического контекста, который в манифесте идет под вторым номером, выгодно отличает текст Андрея Тимофеева от самососредоточенного письма Владимира Чолокяна и выделяет его в молодой литературе вообще, ведь это редкое явление. События «Пробуждения» начинают развиваться накануне референдума о присоединении Крыма. Война в Донбассе неизменно становится главной темой разговоров центральных персонажей и поводом для их экспрессивных реакций. Но как бы активно нам ни пытались подсказать посредством указания на отдельные даты и приведения сводок новостей, что это важная, чуть ли не заглавная тема, воспринимается она все равно как пририсованное в конце и начале обрамление.

Как раз донбасским контекстом автор пытается «пробудить» героя, и чисто механически в конце получается, но если вчитаться повнимательнее, то окажется, что война для Владимира Молчанова – мечта о героическом, надежда на преодоление собственных комплексов. После тяжелого разрыва с девушкой герой решает уехать в Луганск и мечтательно представляет, как вернется оттуда: *«А когда-нибудь, через полгода-год, встретимся мельком и просто стоим минуту в тишине. Оттуда? Да. И как там, страшно? Обычно. Иногда страшно. И все, и уйти потом, и ощущать, что тебе по-настоящему неважно, что она думает – восхищается ли тобой, жалеет ли, потому что ты уже другой. А она, конечно, не признается себе, что ей грустно, и не позволит себе ни шороха в своем каменном сердце, но все-таки ей будет горько»*. Конечно, потом было еще две страницы блужданий и сомнений, Молчанов приходит к выводу, что едет на войну «для себя», но это не отменяет его бегства от проблем мирной жизни, с которыми он не готов столкнуться лицом к лицу. Он поехал умирать от стыда на Донбасс, и где-то выше мы уже видели нечто похожее...

Для того чтобы глубже понять природу молчановского поступка, познакомимся поближе с героем и его окружением. Владимир Молчанов родом из ураль-

* Тимофеев А. Н. «Новые традиционалисты» как будущее русской литературы // Наш современник. 2016. № 10. С. 184–185.

Для Владимира Молчанова религия – важное личное совпадение в отношениях с девушками. И если для Кати вера была волшебной страной позолоты и херувимов, то для Вари религия – способ испытать себя.

ского городка, он переехал в Москву и работает в рекламной фирме монтажом. Значительная часть его жизни – времяпрепровождение с друзьями Андреем и Катей, ребята снимают все вместе квартиру. Катя – бывшая девушка Владимира, на момент событий повести она встречается с Андреем, политическим активистом, участником левого движения «Суть» (читай: «Суть времени»). Катя и Андрей постоянно ссорятся, ведь ячейка занимает все свободное время Андрея. В попытках разрешить конфликт друзей Владимир попадает на несколько заседаний актива движения и знакомится там с Варей, убежденной приверженкой «Сути». Молодые люди начинают встречаться, а потом и жить вместе, но отношения не длятся долго. Первая часть повести посвящена микроклимату между Катей и Андреем, главный герой, оправдывая свою фамилию, довольно редко говорит здесь что-нибудь, в основном слушает Катю. Вторая часть засасывает читателя в голову Владимира Молчанова, и произведение превращается в нервный поток подробнейшей рефлексии.

Уже на примере Андрея и Кати мы видим, как Владимир Молчанов понимает суть отношений между мужчиной и женщиной. В начале повести он все еще безответно влюблен в Катю и внутренне поддерживает все ее действия и поступки. Девушка хочет быть вместе со своим нынешним молодым человеком все время, у нее нет собственной жизни и интересов, она явно путает любовь родительскую и романтическую. Целый Андрей, который, возможно, заблуждается, но находится в поиске истины и собственных убеждений, справедливо упрекает ее в том, что она «ребенок», и советует повзрослеть. Владимир же ловит настроения Кати и пытается дать совет, который ее не обидит и понравится. Однажды он произносит характерную для себя фразу: *«У него же это не от неуверенности, – попытался я успокоить ее, – просто мужчины должны думать о судьбе страны, а женщины быть рядом»*. Именно это и делает Молчанов: думает о судьбе страны, а Андрей пытается делать, потому им не понять друг друга.

Катя привлекает Владимира своей растворенностью в другом человеке и тем, что при желании ею можно манипулировать. Она безопасна, она такая же несостоятельная, как и он, поэтому будет сидеть рядом и слушать красивые речи. Молчанов прощается с мечтой о романтике, когда Катя полностью уходит из-под его потенциального влияния: *«Мы стояли с ней теперь как на противоположных платформах, разделенные линиями рельсов, и я был бессилён влиять на нее, а значит, уже не мог быть уверенным, что все у нее будет хорошо и что, подчинившись сейчас Андрею, она останется той самой лучшей Катенькой, которую я всегда знал и любил»*. Кажется, именно поэтому повествовательный ракурс во второй части меняется, и Катя почти уходит из читательского поля

зрения. То же и с Варварой, только с другой позиции: главной героиней надеялся найти в ней *«последнее пристанище в разрушающемся мире»*, подобно Кате делал полную ставку на другого человека, ведь у Молчанова просто нет себя.

Зато у главного героя «Пробуждения» есть два наиболее частых и любимых им состояния. Либо ему кого-нибудь жалко, либо он страдает от «резкости» высказываний, действий, мыслей людей вокруг. Жалость в пространстве повести бывает разная. Часто она бывает снисходительной и заменяет презрение: *«А я вдруг тоже ощутил приступ неожиданной жалости к Паше, но брезгливой, как к насекомому, которому причиняют боль»*. Порой возникает как результат собственных действий и занимает место раскаяния: *«И едва я заметил эту обреченность, мне вдруг стало жалко ее – невыносимо было, что рядом со мной идет человек, которому сейчас больно, и что эту боль причинил я»*. Но больше всего жаль герою, разумеется, себя. Жаль постоянно и безысходно: *«Мне было безумно, бесконечно жаль себя; казалось, если ехать в Луганск, то нужно похоронить себя уже здесь, в Москве, под этим вот крестом, чтобы там уже не чувствовать замирания сердца от каждой опасности»*. Чем дальше, тем глубже Владимир уходит в эту реку и уже не различает пейзажей вокруг. Когда героя пытаются выманить из удобной позиции, он оправдывается врожденными свойствами характера: *«Я никого не предавал. Это просто характер. Ты говоришь, что у меня плохой и слабый характер, да согласен, спасибо, я и сам это знаю»*. Слабость характера – аргумент против необязательности, половинчатости, неспособности принимать четкие решения. Однако периодически в щемящей жалости ощущается фальшь. Молчанов нет-нет да кого-нибудь осудит с позиции сильного, он чувствует себя в своем праве: *«И теперь мне уже стало жаль, что я здесь всего лишь на полчаса. Стоило лишь несколько фраз услышать от каждого, чтобы вынести им самый точный и окончательный приговор...»* Герой часто порицает других и испытывает жгучий стыд за их поведение. Так пронзительное раскаяние и милосердие, которое в теоретической статье Андрея Тимофеева должно завершать психологический цикл превращения главного героя, оборачивается в «Пробуждении» недостоверным самобичеванием и жалостью, которой герой прикрывает другие эмоции.

Ну и о христианском идеале. Герой Владимира Чолокяна с настороженностью относился к религии, а вот главное действующее лицо повести Андрея Тимофеева – человек глубоко верующий. Даже, можно сказать, нарочито. Для Владимира Молчанова религия – важное личное совпадение в отношениях с девушками. И если для Кати вера была волшебной страной позолоты и херувимов, то для Вари религия – способ испытать себя. Много внимания в повести уделено эпизоду сексуального воздержания героев в пост, Варя настаивает, так как для нее это «борьба со страстями», а Молчанов как всегда «согласился, чтобы поддержать ее», хотя «ничего не понял». В ожесточении Варя нарушает обет и тогда винит и корит себя. Обычно вспышки заканчиваются так: *«Бог все прощает, машинально повторял я свои слова, а она торопливо кивала и просила: давай прочитаем молитву. Я, конечно же, согласился, и в сумраке нашей комнаты ее тихий и нежный голос шептал: “Отче Наш... да святится имя Твое...”* Именно машинальность бытового процесса веры отличает религиозность Молчанова. Варя мучается сомнениями, ее раздражают противоречия, а главного героя всегда Бог простит. В минуты тревоги он идет в храм, уповая на умиротворяющую силу обрядов и заученных молитв. Христианство – то, на что он может внутренне опереться, то, чем лишний раз может себя успокоить.

Не будет преувеличением сказать, что Володя Молчанов – страшный человек. Во время читательского с ним знакомства он бродит по тексту и как волк ищет слабость, мягкое место, куда можно ткнуть. Не находя его, он не просто

расстраивается, но по-настоящему злится: *«И тогда неожиданная злость поднялась во мне на Варвару, и стало стыдно за нее, и обидно, что я шел сюда, желая угадать в ней человеческую слабость, женскую влюбленность, которая была бы симпатична мне, а нашел лишь одержимость твердыми, как кусок железа, идеями»*. Ему стыдно за то, что люди могут быть несгибаемыми, он бесится потому, что они не соответствуют его ожиданиям. Стоит ли «пробуждать» такого героя? Что он сделает, когда найдет в Донбассе тех же самых людей, от которых уехал? Не приветливых, не мягких, не нежных, не таких, каких ему хотелось бы. А если распробует вкус убийства и примет его за знак силы?

А ведь в повести были и другие персонажи, заслуживающие более пристального авторского внимания. Это объемные, интересные, ищущие Андрей и Варя. Мы видим их размыто, через осуждающую призму главного героя, но они все равно проступают очень ярко. Их важно понять, к ним хочется прислушаться и разобрататься, найти причины их горячей коммунистической убежденности в современном мире, где подобные идеи не особенно популярны. Да и подходя к этому с логической точки зрения: они – лидеры представленного в повести поколения, а нам рассказывают о Володе и Кате, которые смотрят на них и боятся себя.

Я уже упоминала в начале, что вокруг повести Андрея Тимофеева развернулась жаркая дискуссия, в том числе на страницах журнала «Наш современник», где она была напечатана. Спор начался из-за статьи воронежского критика Вячеслава Лютого «В координатах духа и воли», в ней произведение оценивалось довольно жестко. Однако далее баталия перешла в сферу политическую и продолжилась вокруг нелицеприятного изображения движения «Суть времени» и его руководителя Сергея Кургиняна, в тексте – Кургузова. На мой взгляд, оценка фигуры Кургиняна автором не имеет никакого художественного значения, а вот точные и психологически достоверные описания собраний ячейки – безусловная удача повести. Здесь рефлексирующий герой отходит на второй план, и появляются современные типажи, энергия споров, исследуются механизмы политического влияния на молодых людей. Причем неважно, «Суть времени» это или другое объединение, автором дана обобщенная картина микросоциума, сформировавшегося на основе политических предпочтений. Это все тоже туда, в сторону Андрея и Вари, но автор не смог «отпустить» своего героя, и Володя Молчанов течением своих мыслей запечатал всех персонажей повести в стыд, обиду и жалость, словно мух в янтаре.

Очумелые ручки

Проза Степана Гаврилова принципиально отличается от традиционной манеры «Железного повода» Владимира Чолокяна и «Пробуждения» Андрея Тимофеева, где с читателем вели простой и понятный разговор напрямую. Дебютная повесть «Опыты бесприютного неба» – это литература ума, интеллектуальной игры, в которой тоска обязательно «гамлетовская», а фамилии философов и писателей впроброс перечисляются через запятую при каждом удобном случае. Красиво позировать в тексте начинают уже с первых абзацев, с ходу декларируя примат эстетического над политическим: *«Разнервничавшийся папа шлепнул меня и отправил назад по коридору. Вот и все, что я могу сказать о развале Союза. Все остальное мне неинтересно. <...> Просто есть вещи более глобальные. Например, волнует меня больше всего то, что, когда я родился, кто-то из лучших умов планеты сказал, что постмодернизм умер»*. Тревога о смерти постмодернизма – лишь часть художественной рисовки, судя по дальнейшей риторике повести, на самом деле героя и его окружение волнуют куда более приземленные материи.

Год с небольшим назад, когда текст только был опубликован, я уже обзорно писала о нем в контексте молодежного номера «Знамени». И приходила к выводу, что персонажи повести Гаврилова – поколение никто, люди, которых нет и, кажется, не будет. Не откажусь от него и сейчас, однако все познается в сравнении... Оказывается, вне поколенческой истории главный герой «Опытов бесприютного неба» неплохой, в общем-то, парень. Он начитанный, местами остроумный, верный друг и возлюбленный. И, что самое главное, в отличие от героев обсуждаемых выше текстов, не подлый и никого не предает. Правда, по сложившейся тенденции, больше ничего особо и не делает.

Мы знакомимся с ним в Санкт-Петербурге, куда молодой человек приехал из уральского городка зарабатывать и обретать себя. Он пробует всего понемногу: поочередно работает расклейщиком объявлений, администратором в хостеле, журналистом, киберпреступником и зубоносом. В перерывах свободный от обязательств художник духа употребляет и общается с самыми разными людьми, которые занимаются тем же. Сам герой аттестует себя так: *«...я и работаю всегда с оглядками и сомнениями, и своими делами занимаюсь как бы вполсилы, постоянно на палеве. Постоянно вот думаю, что мне ведь надо быть серьезней, серьезней к жизни надо относиться. Но в общем я как-то живу. И всегда жил»*. И продолжает жить, на силе инерции. Хотя в начале текста (это рядом с мертвым постмодернизмом, если что) и были бодрые заявления о том, что дальнейшая мировоззренческая задача персонажа – побороть стыд и стать свободным, выйти на войну с обыденностью и инертной рефлексией мира, в процессе повествования она забывается. Герой занимает позицию ведомого наблюдателя, и прямо на ходу у автора появляется задача поинтереснее: описать пестрое поколение, которое клубится вокруг.

Повесть плотно «заселена» персонажами. Они четко разделены по топонимическому принципу. Жители малой родины застряли в неизбывности 90-х, в провинции «Опытов бесприютного неба» продолжается время тотальной разрухи; а наводнившие культурную столицу приезжие обживают новый питерский миф, именно в его рамках они экстравагантно наркоманят и все как один творят.

«Центральные» провинциалы беспринципны и изворотливы. Самые яркие из них – Ролан и Шульга, с их махинаций начинается текст, ими же он и заканчивается. Главный герой безысходно-сдержанно восхищается звериной силой Ролана и противопоставляет его себе: *«И не то чтобы он для меня “герой”, но определенно – “нашего времени”. В том смысле, что срать он хотел на все условности: наличие законов, границ государств, морального долга. На инертность этого времени в том числе. Он был и остается здесь и сейчас. А я, сколько себя помню, всегда рос в вечном ощущении, что “лучшее, конечно, позади”. Мне внушали это с рождения и будто даже ставили в вину»*. Старая пластинка: герой опять оправдывает свое бессилие, но на этот раз социальной средой и воспитанием. Меру сравнения выбирает странную, уточним, что Ролан не просто безобидный «гопник», а наркоторговец. Дальше для Ролана, как ни крути, не будет ничего, кроме череды случившихся по его вине смертей.

В противовес чугунным бандитам родом из детства питерские пришельцы легки, оригинальны и самобытны. По авторской задумке... Герой приятельствует с фотографами, музыкантами, писателями, порноактрисами, дилерами. В попытке зацепить и шокировать читателя автор порой «клонировал» арт-интеллигентов и «двоит» их наркоприключения, не знаю, по невнимательности или для закрепления эффекта. Вот с нами делятся захватывающими трипами молодого и талантливого фотографа Фэда: *«Делать было нечего, он уже собрался куда-нибудь пойти, когда его рассеянное возбужденное внимание остановилось на маленьком заусенце на пальце. Он стал аккуратно сдирать кожу. Заусенец сначала*

отходил хорошо, но потом потерялся. Край кожи никак не подцеплялся, тогда Фэд помог себе зубами. <...> На лице его, возле самых губ, можно было рассмотреть следы кровя. Правая кисть Фэда представляла собой зрелище отвратительное: кожа с тыльной стороны ладони почти наполовину была содрана». А вот уже о другом приятеле, Андрэ: «Однажды Андрэ перебрал с таблетками и так долго и непрерывно играл на гитаре, что протер себе до мяса пальцы на обеих руках: штука покрупче электрического пианино! Лечить пальцы Андрэ не стал. Через пару дней он взвыл от боли – дело было плохо». Веселые руковоковырки под приходом упоминаются еще несколько раз, но уже не шокируют, а раздражают привычной отвратительностью. Гаврилов описывает всю эту вакханалию как анекдот, невероятно занимательный случай, о котором нельзя не рассказать. Персонажи часто типологизируются по виду наркотиков, которые они употребляют, частоте и глубине процесса. Это вот Алиса, она курит траву и у нее дреды. Больше ничего можно и не говорить, все же и так понятно, если траву...

И все они мучаются, страдают от неприкаянности в чужом городе, не понимают, зачем и для чего в нем очутились. Любитель заусенцев Фэд выдает рассерженную тираду: *«Слушай, вся эта приезжая арт-хипстота умирает здесь от мандочеса и одиночества – трахнуть почти любую можно за стакан василеостровского. И самое сраное, что я принадлежу к ним – нелегалам с фотоаппаратом под мышкой, приехавшим из своего Верхне-Залупинска. А там, на своей никому не нужной родине, я снимал лучших телок, знаменитых актеров». Вроде бы вся авантюра с переездом затевалась ради профессиональной самореализации, но скатилась в шатания и стагнацию. Зачем же тогда оставаться и почему не пойти дальше? Косвенный ответ – в откровениях главного героя: «Если бы мы с Андрэ познакомились в родном городе, если бы с детства жили в соседних домах, если бы не рыпались и сидели тихо, не занимались всей этой дурью с поиском себя в чужих мегаполисах, я уверен, он за всю жизнь едва ли пережил все то, что пережил за этот год с небольшим». Пережить как можно больше, взять от города максимум, впитать в себя все возможные впечатления... А что потом? Но в «потом» автор нас не сопровождает, а все длит долгий рассказ о том, что удалось попробовать и почувствовать. Герои так и остаются слоняться по призрачному Питеру в поисках эмоциональной «дозы».*

Показательна судьба Лики, одноклассницы главного героя. В родном городе она ухаживала за бабушкой, окончив филфак, девушка устроилась на телевидение в «желтую» программу, платили там хорошо. Лику нам высвечивают на трех этапах: тонкая и звонкая филологиня с ужимками и поэтическими амбициями; раздутая утопленница, глотающая корвалол и медленно убивающая себя после переезда в Питер; закатанная в гляцевый блеск порноактриса, уже окончательно освоившаяся жительница мегаполиса. В трансформации героини слышится громкий завывающий зов: ну посмотрите же, люди, ведь была же нормальная девочка, но в провинции не было для нее работы и условий, вот она и переехала, сдалась пошлости большого города. Однако у Лики все-таки был выбор. Она могла бы сначала жить в малом достатке, честно подниматься по карьерной лестнице, но приняла решение пойти по быстрому пути, минуя ступеньки и преграды. Наблюдая за другой знакомой в поиске работы, герой сокрушается: *«Маленький человек в чужом городе, которому нужно искать работу, чтобы жить. Этот маленький человек нерешителен, тщеславен, ленив. Если бы вы знали, сколько ему труда стоит позвонить в вашу ссаную контору, сколько сил ему надо, чтобы прийти на ваше собеседование». Да, жизнь и вообще тяжелая штука, а уж когда хочешь все и сразу... Сложно сопереживать героям в отсутствие какой-либо драмы, если так рассуждать, то каждый среднестатистический обыватель должен обнять другого и заплакать.*

ку; Владимир Молчанов переехал из маленького уральского городка в Москву, жизнь на малой родине он описывает как «размеренную и понятную»; главный герой «Опытов...» также мигрировал, но в Санкт-Петербург, родной город он романтизирует: там всегда течет Мировой Океан Уральского Озера.

Трое молодых мужчин не состоятельны в профессии. Ни один из них не вкладывает в работу смысла, у героев нет карьерных целей, профессиональная реализация для них не важна. Попросту говоря, у них нет настоящего дела, все они как будто еще не сделали выбор и не решили, кем хотят стать, когда вырастут... Кроме того, произошла важная перенастройка: мужчина больше не ощущает себя добытчиком, главное для него теперь не благополучие семьи, а собственный психологический комфорт. Герои ищут его по-разному: кто-то отсекает прошлое и отправляется в путешествие, кто-то делает ставку на человека-спасителя рядом, кто-то надеется обрести гармонию в экспериментах с веществами.

Но даже в процессе поиска молодые люди занимают позицию наблюдателей, а это, в свою очередь, определяет дневниковый характер повествования. Тексты излишне подробны, они фиксируют малейшие перемены повседневности: что герои ели на обед и что на обед ели другие, куда они пошли прогуляться и что подумали по поводу увиденного на прогулке. Все эти факты можно было бы легко убрать без вреда содержанию и художественному наполнению, но тогда так называемые романы можно было бы прочитать не за два вечера, а за два часа, а это уж совсем никуда не годится... Ну какой такой роман и за два часа?

Но главное, что объединяет Ивана, Владимира и молодого человека без имени, – это непреодолимая слабость. Причем они ее сами осознают, проговаривают вслух и вяло пытаются найти причины. Ивану мешают нормы общества, Владимира Молчанова тормозит «слабый характер», а персонаж Степана Гаврилова винит во всех бедах воспитание, среду и далее – всепожирающий город. Неудивительно, что читать о слабости оказывается неинтересно... Герои не преодолевают ее, не работают с ней, они ее просто констатируют и бегут врассыпную. Вот ведь даже когда к доктору приходишь и говоришь ему, что обессилен, он начинает расспрашивать тебя дальше, выяснять другие симптомы, а не принимает слабость в качестве диагноза. Авторы «Железного повода», «Пробуждения» и «Опытов бесприютного неба» – приняли, и даже посчитали его неизлечимым. Тенденцию можно расширить: литературным братьям соприроден взрослый герой самого талантливого, на мой взгляд, автора поколения Юрия Лунина. Наиболее близко мы можем познакомиться с ним в повести «Клетка», где отправной точкой для развития сюжета становится бегство главного героя в Ялту от семейных неурядиц. В том же направлении работает один из самых ярких молодых прозаиков Булат Ханов, герой его «Гнева» испытывает постоянную злость, которая на поверку оказывается старой доброй семейной парой бессилия и безысходности.

Герой современной молодой прозы прекрасно вписывается в штамп генерации, в досужее обобщение, сообщающее нам о том, что люди, взрослевшие в 2000-х, все как один инфантильны и безответственны. Казалось бы, что тут еще говорить, и так все понятно. Но нет: перечисленные выше попытки написать о герое времени в настоящем моменте хотя бы честные, они были сделаны всерьез, без поддавок. А вот вам противоположный пример: недавно в «Эксмо» выпустили книгу молодого автора, зовут его Сергей Вересков. Так называемый роман «Шесть дней» – базовый набор слагаемых: молодой герой около 30 лет, много разговоров и рефлексии, путешествие в город детства. Текст сразу стали сравнивать с «главным» произведением американских миллениалов о любви и взрослении – «Нормальные люди» Салли Руни, пытаются сделать из него

громкое событие... И вот начинающий писатель уже дает интервью, интересно озаглавленное*, и основной тезис там: *«В целом, мне кажется, сейчас разговор о личных травмах – один из самых важных. Я сам очень остро реагирую на происходящее вокруг, и меня окружают такие же рефлексивные люди»*. Да, сейчас очень модно говорить о травме, прикрываться «травматическим опытом», а на любую критику отвечать, что это его «обесценивает». И вот уже текст про бесхребетного нюню превращается в высокоинтеллектуальный пассаж о психологических трансформациях.

Подход крепко взят на вооружение: в 2018 году «Редакция Елены Шубиной» запустила серию «Роман поколения», в сопутствующей статье на сайте крупного книжного магазина «Лабиринт» о линейке пишут: *«Современные российские молодые авторы пишут о детских травмах, описывают свой опыт и истории сверстников»***. Видимо, детская травма – железный аргумент, повод, чтобы тут же кинуться читать произведение молодого автора и начать отчаянно сочувствовать герою. На самом деле все это тоже маркетинговая спекуляция на поколенческих стереотипах, ведь именно миллениалов называют самым депрессивным поколением в истории, для которого посещения психолога стало одним из обязательных атрибутов жизни. Конечно, все гораздо проще: каждый начинающий говорит о «детской травме» потому, что пока что не успел пережить и сформулировать иной опыт. В итоге мы утыкаемся в категорическое понижение запроса, травмой может стать практически что угодно, а детство у большинства детей 90-х наверняка была нелегкое. Психологизм как одна из составляющих качественного прозаического текста заменяет бытовая психология, писательство становится упражнением для снятия стресса. Большая художественная задача остается нерешенной: зачем пытаться осмыслить время и место человека в нем, если можно делиться сокровенными обидами, да еще и получать одобрение и поддержку от читателя.

Вот куда уверенными шагами движется молодая литература. На этом фоне нельзя не отметить, что Владимир Чолокян, Андрей Тимофеев и Степан Гаврилов поставили перед собой амбициозные цели, они хотели сказать о сущностном, о главном не через частную травму, а с максимальным использованием всего доступного художественного инструментария и своего личного опыта. Но преодолеть поколенческий стереотип о ленивых «снежинках», о поколении «на горошине» не удалось, чуда не свершилось. А чудом я называю взросление: пока молодые авторы будут писать о бородатых детях, неспособных совершить поступок, ничего не изменится, и новая генерация не утвердится в литературе даже несмотря на усилия литературных работников и количество мероприятий. Надеюсь, что когда-нибудь затянувшийся пубертат все же закончится, и мы сможем вернуться к этому разговору.

* Писатель Сергей Вересков: «Разговор о личных травмах – один из самых важных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/brain/16154-pisael-sergey-vereskov-razgovor-o-lichnyh-travmah-odin-iz-samyh-vazhnyh> (дата обращения: 19.04.2021).

** Роман поколения. Какие книги пишут молодые российские авторы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.labirint.ru/now/roman-pokoleniya> (дата обращения: 19.04.2021).